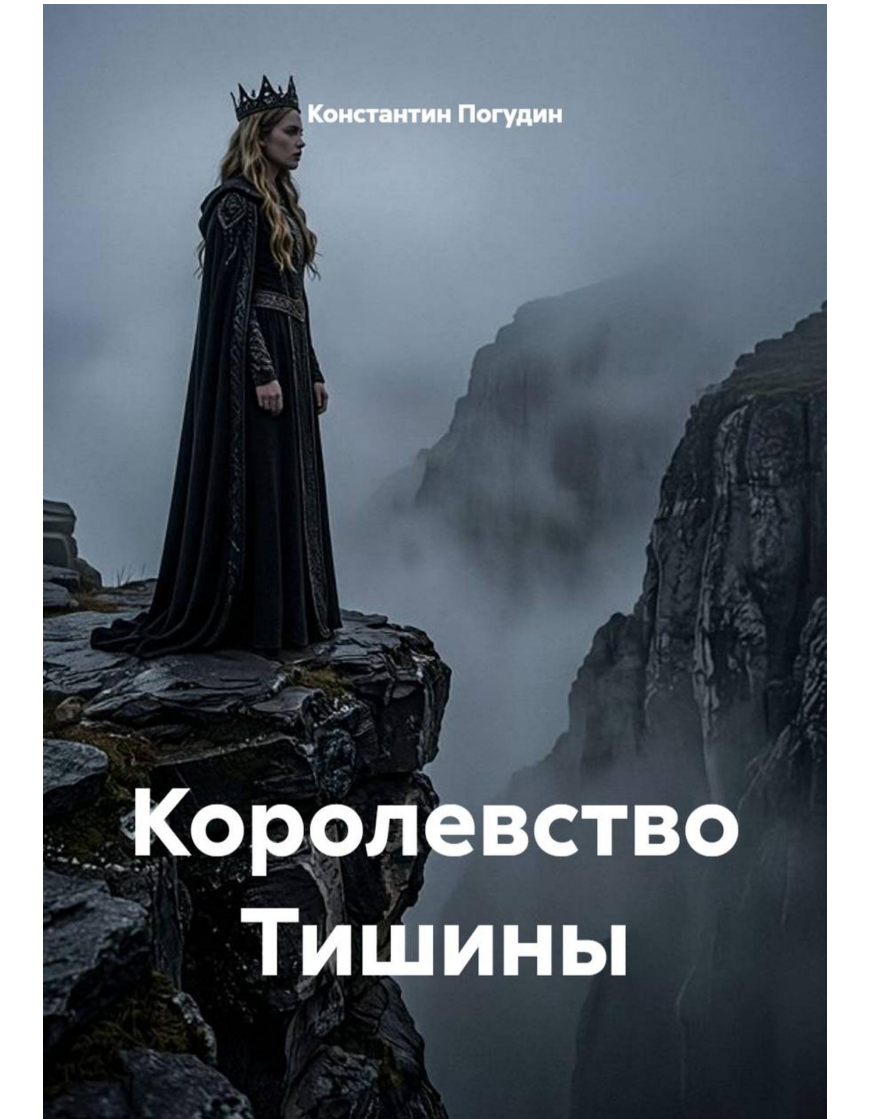

Константин Погудин

Королевство Тишины

Константин Погудин

Королевство Тишины

<https://litres.ru/74621493>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Эльдоре чувства имеют цену: ярость выжигает землю, горе поднимает воду, радость растит бурьян. Раз в десять лет Корона забирает одного «неспокойного» в Дом Тишины за Серыми перевалами — оттуда не возвращаются. Когда жребий падает на её сестру, Ниара Вэйс занимает её место. Дом Тишины встречает её запретами: не плакать, не смеяться, не приближаться к Верховному Стражу. Но чтобы найти сестру и вернуть людям отнятые чувства, Ниаре придётся узнать, что на самом деле держит север под замком и чего стоит тишина.

Содержание

Глава первая. Жребий	5
Глава вторая. Тот, кто улыбается	15
Глава третья. Огонь в Западном крыле	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Константин Погудин

Королевство Тишины

Книга первая

Глава первая. Жребий

Когда в Эльдоре кто-нибудь теряет самообладание, у этого есть цена, и её видно всем.

Ярость выжигает на земле чёрные круги. Горе поднимает воду в колодцах. Радость, особенно неосторожная, заставляет зацветать всё вокруг, и хозяева полей проклинают влюблённых, у которых по весне вырастает бурьян прямо на грядках. Мы зовём это Отзвуком. Каждый рождается с ним, и каждый всю жизнь учится держать его на привязи.

Я не училась. Я просто не чувствовала ничего, пока не стало слишком поздно.

Так я думала в то утро, стоя на площади Жребия и глядя, как жрец в белом достаёт из серебряной чаши последний свиток. Мне было двадцать два. На плечах лежала шаль матери, на левой руке виднелся тонкий рисунок инея, который я уже час прятала в рукаве. Холод всегда приходил первым. Страх, обида, бессильная злость превращались у меня в лёд, в узоры, ползущие от кончиков пальцев к запястью.

— Тише, — шепнула Мирин и сжала мою ладонь. — Нии, дыши.

Моя сестра была на четыре года младше и на две головы смелее. Именно поэтому я и боялась за неё сильнее, чем за себя.

Раз в десять лет Корона берёт из Эльдора одного «неспо-

койного». Так это называют в указах. Одного человека, чей Отзвук слишком силён, чтобы оставлять его на свободе. Его увозят в Дом Тишины, на север, за Серые перевалы, и обратно он не возвращается. Говорят, там учат владеть собой. Говорят, оттуда пишут письма, всегда короткие, всегда спокойные, всегда одним почерком. Моя бабушка в эти письма не верила. Она повторяла: «Человека, который перестал чувствовать, нельзя называть живым».

Площадь молчала. Три тысячи человек стояли так тихо, что я слышала, как на краю толпы плачет чей-то ребёнок, и как хрустит иней под моими ногтями.

— Жребий пал, — голос жреца был сухим, как бумага, — на дочь Тейлы Вэйс, ученицу картографа. Мирин Вэйс.

Мир остановился.

Я знаю, что так говорят во всех книгах. Но у меня он остановился по-настоящему. Иней, который я прятала в рукаве, рванулся вверх по руке, по шее, по лицу. Я услышала, как лопнули стёкла в лавке булочника. Кто-то вскрикнул. Толпа подалась от меня, как от чумной, и вокруг меня образовалась пустота шагов в пять шириной, белая, звенящая, покрытая тонкой коркой льда.

Мирин не побледнела. Она только перестала держать меня за руку и сказала очень ровно:

— Всё в порядке, Нии. Я пойду.

— Нет.

— Ты же знаешь, что я пойду.

— Нет! — Лёд хрустнул под моими сапогами, и трещина побежала к ступеням помоста. — Это ошибка. Это не она, это не её...

Я не договорила, потому что поймала взгляд жреца. Он смотрел на меня без осуждения. С пониманием. Хуже всего было именно это. Так смотрят на больного, который сам ещё не знает диагноза.

Потому что беспокойной в нашей семье была не Мирин. Мирин выпускала Отзвук раз в год, да и то сквозняком: чуть дрогнет свечное пламя, чуть потемнеет вода в миске. Это я два года назад заморозила озеро Ласт за одну ночь, когда умерла мама. Это я в пятнадцать лет разбила все окна в мастерской, когда отец рассказал, что его имя вычеркнули из списка королевских картографов. Мирин просто знала меня достаточно хорошо, чтобы понять, чего я боюсь. Однажды я спросила, как она всё время остаётся спокойной. Она ответила: «Кто-то в этой семье должен».

И сейчас она шла к помосту, расправив плечи, ни разу не оглянувшись.

Я смотрела ей в спину. Лёд полз по рукам, лёгкие горели от холода, и в какой-то момент я с отчётливой ясностью поняла две вещи. Первая: если я промолчу, сестра уедет и не вернётся. Вторая: я никогда в жизни ничего не решала так быстро.

Свиток был у жреца, и в нём было имя. Но на помосте стояли ещё трое людей в серых плащах, и до того, как жрец

успел поднять руку, я перешагнула через собственный лёд.
— Стойте.

Мой голос прозвучал тихо. Но площадь так замерла, что слышали все.

— Я Ниара Вэйс. Старшая. — Я подняла рукав и показала им руку: ладонь, запястье, вены, затянутые белым узором, как кружевом. — Вот вам беспокойная. Вот чьё имя вы должны были написать. Я прошу замены.

Мирин обернулась. Она была бледной впервые за всё утро, и по её щеке катилась слеза, а на ближайшем фонаре расцвёл крохотный голубой цветок. Одинокая, нелепая вспышка её Отзвука.

— Нии, нет...

— Закон допускает замену, — сказала я, не отводя глаз от жреца. — Если замена сильнее по Отзвуку и согласна добровольно. Так?

Жрец помолчал. Потом медленно, почти с сожалением, кивнул.

— Так, дитя.

Дальше всё слилось в серый шум. Мирин кричала, её удерживали двое стражников. Толпа гудела. Кто-то бросил мне под ноги монету, наверное, на удачу, а может, на поминки. Меня подвели к чаше, велели провести пальцем по краю. Серебро побелело от мороза за один вдох, и жрец произнёс слова привязки так быстро, что я поняла, что он хочет закончить, пока я не передумала.

Я не передумала. Я только сильно, до крови прикусила губу, чтобы не расплакаться при сестре. И отвернулась, чтобы не видеть, как расцветают цветы по всей площади, один за другим, от самых её ног, будто у неё внутри распахнулась весна.

Серые перевалы мы пересекли на четвёртый день.

Меня везли в закрытой карете, в сопровождении шестерых серых плащей, которые не разговаривали, не смеялись и не ели у меня на глазах. Первую ночь я пыталась с ними заговорить. Вторую ночь пыталась их напугать, и на окне кареты выросла такая корка льда, что пришлось долбить её рукоятью кинжала. На третью ночь я сдалась и просто смотрела в окно, считая звёзды над чёрными зубцами гор.

На четвёртый день я перестала быть одна.

Мы остановились не у ворот, не у заставы. Просто карета встала посреди белой, безветренной пустоши, и дверца открылась сама собой. Серые плащи отступили в стороны, будто по команде. А на снегу, в десяти шагах от меня, стоял человек, которого я не заметила, пока он не двинулся.

Он был высоким. Это я отметила сразу. Тёмный плащ без знаков отличия, чёрные волосы, стянутые на затылке, лицо из тех, что вырезают из камня, а не лепят из глины. Ему могло быть тридцать, а могло быть сто. Но главное было не в росте и не в лице.

Главное было в тишине.

Я шагнула из кареты, и снег под моими сапогами не хруст-

нул. Ни звука. Я вдохнула и не услышала собственного дыхания. Иней на моей руке, который не сходил с самого Жребия, дёрнулся, потянулся к нему, как цветок к солнцу, и тут же осыпался с кожи невесомой пылью.

Я ощутила то, чего не ощущала уже много лет: холод ушёл. Не потому, что стало тепло, а потому, что вокруг меня стало пусто.

— Ниара Вэйс, — сказал он.

Голос у него был низкий, ровный, лишённый интонаций, как гладь замёрзшего озера. Я стояла и ждала, что в нём прозвучит хоть что-то: насмешка, презрение, любопытство. Не прозвучало ничего.

— Верховный Страж Дома Тишины. Кайрен Ольхейм.

— Это должно меня успокоить? — спросила я. Голос сорвался на последнем слове.

— Это должно вас информировать.

Я моргнула. Нет, это не было шуткой. Он смотрел на меня серыми, абсолютно спокойными глазами и, кажется, действительно не понимал, что можно воспринять иначе.

— Знаете, — сказала я, — я привыкла, что при встрече людям полагается хоть что-то чувствовать.

— В Доме Тишины это не поощряется.

— И давно вы не чувствуете?

Что-то мелькнуло в его глазах. Мгновение, не больше. Тень, которую я не успела поймать. Потом это исчезло, и он сделал шаг в сторону, указывая на дорогу, ведущую вглубь

белой равнины.

— Идёмте. Нас ждут.

Я не двинулась с места.

— Подождите. Прежде чем я пойду за вами, я хочу кое-что знать. — Я заставила себя говорить медленно, хотя сердце колотилось так, что я боялась, как бы лёд не выступил снова. — Моя сестра. Мирин Вэйс. Она в безопасности? Её не тронут?

— Жребий пал на вас, — сказал Кайрен. — Закон исполнен. Мирин Вэйс свободна.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я вправе дать.

Он стоял, не двигаясь. И я вдруг поняла, что его молчание не пустота. Оно было плотным, тяжёлым, как стена, за которой что-то держат. Или кого-то.

Я не знаю, почему я это подумала. Я просто почувствовала. Впервые за несколько дней мой собственный Отзвук шевельнулся, но не ледяной волной, а чем-то другим. Тонким, осторожным касанием, как пальцем по стеклу.

Кайрен вздрогнул.

Едва заметно. Если бы я не смотрела ему в лицо, не заметила бы. Но я смотрела. И я увидела, как на долю секунды его ровные, выточенные черты дрогнули, как будто кто-то коснулся трещины, спрятанной глубоко внутри.

— Не делайте этого, — сказал он тихо.

— Чего?

— Не тянитесь ко мне. Здесь это опасно.

— Для кого?

Он не ответил. Только повернулся и пошёл вперёд, и снег под его ногами, как и под моими, продолжал молчать.

Дом Тишины оказался не замком и не тюрьмой.

Я ожидала башен, цепей, решёток. Вместо этого увидела белое здание, вытянутое по склону горы, с высокими стрельчатыми окнами и крышей, на которой не лежало ни одной снежинки. Ни одной. Над ним как будто стоял невидимый купол, сквозь который не пробивалась ни метель, ни ветер, ни звук.

Внутри пахло воском и сухими травами. Коридоры были широкими и пустыми. Нас встретила женщина в сером, назвавшаяся смотрительницей Верой, и повела меня наверх, мимо закрытых дверей, за которыми ни разу ничего не скрипнуло, не вздохнуло, не упало.

— Сколько здесь живёт людей? — спросила я.

— Сто двенадцать, — ответила она. — С вами сто тридцать.

— И они все...

— Неспокойные, — кивнула Вера. — Были. Теперь они обучаются.

Она произнесла это слово с таким удовлетворением, что у меня по спине пробежал холод, настоящий, не мой.

Комната, которую мне отвели, была маленькой и чистой. Кровать, стол, окно во всю стену, а за окном белая безмолв-

ная пустошь и далёкие чёрные зубцы гор. Я села на край постели и впервые за четыре дня позволила себе просто посидеть. Руки дрожали. Иней, вернувшийся в тот же миг, как за мной закрылась дверь, поблёскивал на пальцах.

Значит, тишина существует только рядом с ним, подумала я. Только там, где стоит Кайрен Ольхейм.

Мысль была странной, и я решила её не развивать.

Вера задержалась на пороге.

— Правила простые, — сказала она. — Не повышать голос. Не плакать. Не смеяться без необходимости. Не приближаться к Верховному Стражу без разрешения. Обучение начнётся завтра на рассвете.

— А если я нарушу правила?

Вера посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом.

— Тогда вам помогут, — сказала она, и дверь закрылась. Я осталась одна.

Долго сидела неподвижно, глядя, как за окном гаснет бледное северное солнце. Потом подошла к столу. На нём лежал сложенный лист бумаги. Я развернула его, ожидая увидеть расписание занятий или перечень запретов.

Там было три строки. Почерк мелкий, ровный, незнакомый.

Ты не должна была приезжать сюда вместо неё. Не доверяй никому из тех, кто улыбается. Здесь никто не улыбается.

Я перечитала записку дважды. Потом в третий раз.

Потом подняла голову и посмотрела на дверь. За ней стояла полная, звенящая, нечеловеческая тишина. Такая, какой не бывает на свете, потому что даже в самом глухом лесу кто-то дышит, шуршит, живёт.

А здесь не жил никто.

Или жили, но так тихо, что мне оставалось только догадываться, что они прячут под своим спокойствием.

Я сжала записку в кулаке. Иней побежал по бумаге, превращая её в хрупкий белый осколок, и тот рассыпался в пальцах, не оставив ни слова.

Впервые с момента Жребия я почувствовала не страх.

Я почувствовала злость.

Хорошую, ясную, холодную злость. И где-то далеко, в глубине дома, в самом сердце этой стерильной белой тишины, что-то отозвалось на неё, как эхо на зов.

Как будто кто-то там, внутри, тоже не спал.

Глава вторая. Тот, кто улыбается

Меня разбудило не пение птиц и не колокол. Меня разбудило отсутствие всего.

Я открыла глаза в серой предрассветной мгле и несколько секунд лежала неподвижно, пытаюсь понять, что не так. Потом поняла: я не слышу ничего. Ни ветра за окном, ни скрипа половиц, ни собственного сердца, которое обычно колотится у меня в ушах, едва я просыпаюсь. Дом Тишины не будил своих обитателей. Он просто переставал их баюкать.

Иней за ночь добрался до локтей. Я натянула серое платье, которое нашла у кровати, спрятала руки в длинные рукава и вышла в коридор.

Он был полон людей. Сто двенадцать человек в одинаковых серых одеждах шли в одном направлении, не касаясь друг друга, не глядя друг на друга, не издавая ни звука. Я пристроилась в хвост этой процессии и вскоре поняла, что страшнее всего даже не молчание. Страшнее были лица. Гладкие, спокойные, как у людей, которых выключили.

Зал Покоя оказался круглым, высоким и пустым. Посередине стояли сто тринадцать низких столиков, на каждом чаша с водой. Вера ждала нас у входа с таким видом, будто пересчитывала не людей, а овец.

— Сядьте, — сказала она. — Положите руки по сторонам чаши. Задача простая: удержать воду в покое. Ни льда, ни

пара, ни ряби. Час.

Я села. Вода в чаше была тёмной и неподвижной. Я смотрела на неё и думала о Мирин. О том, как она шла к помосту. О цветке, который распустился на фонаре.

Через минуту чаша треснула.

Не от холода, нет. Хуже. Вода замёрзла так резко, что расширяющийся лёд разорвал глину, и осколки со звоном разлетелись по каменному полу. Звон прокатился по залу, как выстрел. Сто двенадцать человек медленно, одновременно повернули головы.

— Ещё одну чашу, — ровно сказала Вера.

Принесли новую. Я сжала зубы. Следующая продержалась четыре минуты.

На галерее над залом мелькнула тёмная фигура. Кайрен Ольхейм стоял, опираясь на балюстраду, и смотрел вниз. Лицо его, как и вчера, ничего не выражало. Но стоило мне встретиться с ним взглядом, как иней на моих пальцах пополз назад, и вода в третьей чаше, к моему изумлению, осталась гладкой. Он не шелохнулся. Не сделал ни одного жеста. Просто смотрел, и вокруг меня становилось пусто и тихо.

А потом он отвернулся и ушёл. Чаша тут же покрылась ледяной коркой.

— Знаешь, в чём твоя ошибка?

Шёпот раздался слева, так тихо, что я решила, что мне почудилось. Я скосила глаза. Парень за соседним столиком смотрел прямо перед собой, как и положено примерному

ученику, но уголок его рта дёргался.

Он был не старше двадцати пяти. Русые волосы, небрежно отброшенные со лба, веснушки, которых не бывает у людей, живущих в северных горах, и глаза цвета тёплого мёда. В чаше перед ним вода слабо дымилась. Не кипела, не бурлила, просто мирно парила, как чай на кухне.

— Ты смотришь на воду как на врага, — прошептал он, не поворачивая головы. — Так нельзя. Смотри на неё как на нелюбимого родственника на поминках. Вежливо, терпеливо и с тайной надеждой, что он скоро уйдёт.

Я чуть не фыркнула. Звук застрял где-то в горле, и в ту же секунду вода в моей чаше перестала замерзать.

— Вот, — тихо сказал он. — Видишь? Работает.

— Вы нарушаете правила, — прошипела я.

— Я нарушаю их с четырнадцати лет. Меня зовут Тарен. Тарен Вейлор. А ты та самая новенькая, которая заморозила три чаши за десять минут. Вся казарма в восторге.

— Здесь есть казарма?

— Здесь есть всё. Кроме смеха. — Он наконец повернул голову, и я увидела то, чего не видела ни на одном лице в этом доме. Он улыбался. Открыто, живо, чуть насмешливо. — Но я работаю над этим.

Мне вспомнилась записка. *Не доверяй никому из тех, кто улыбается.*

Я резко отвернулась и уставилась на воду. Она снова начала мутнеть.

После занятий нас распустили на час. Я вышла в коридор, и Тарен оказался рядом так естественно, будто мы договорились. Остальные ученики расступались перед ним, как перед прокажённым. Или как перед тем, кого лучше не замечать.

— Ты не обязан со мной ходить, — сказала я.

— Знаю. Но если ты пойдёшь одна, свернёшь не туда и окажешься в Западном крыле, а оттуда не возвращаются.

— Это шутка?

— Это лёгкая шутка. Настоящая будет, когда ты там окажешься.

Я остановилась.

— Хватит. Почему ты улыбаешься? Здесь никто не улыбается. Все ходят, как... как оживший воск.

Тарен перестал улыбаться. Не сразу, медленно, как гаснет свеча на сквозняке. И только тогда я поняла, насколько хорошо он умел это прятать: под улыбкой было что-то усталое, старое, настороженное.

— Потому что, — сказал он, понизив голос, — здесь учат не владеть чувствами, Ниара. Здесь учат их прятать. Это большая разница. Тот, кто прячет, не перестаёт чувствовать. Он просто копит. И рано или поздно...

Он не договорил. Из-за поворота вышла Вера, и Тарен мгновенно изменился: плечи опустились, взгляд потух, лицо разгладилось. Через секунду передо мной шёл ещё один серый, послушный ученик.

— Вейлор, — сказала Вера. — Вы снова не на месте.

— Прошу прощения, смотрительница. Показывал новенькой дорогу.

— Похвально. — Вера улыбнулась. Тонко, одними губами. Это было куда страшнее, чем его улыбка. — Идите.

Мы прошли ещё несколько шагов в молчании. Потом Тарен очень тихо сказал, не глядя на меня:

— Если захочешь написать сестре, не передавай письма через смотрительниц. Я знаю другой способ.

— Откуда ты знаешь про сестру?

— Здесь все знают про всех. — Он пожал плечами. — Кроме одного человека, про которого никто ничего не знает.

— Кайрена?

Тарен криво усмехнулся.

— Ты быстро учишься. Только вот что: если решишь с ним поговорить, помни, что у тишины есть цена. И её платят не те, кто молчит.

Вечером меня вызвали.

Не Вера, не посыльный. Просто за обедом рядом с моей миской оказался сложенный лист с одной строкой: *Северная башня. После заката.*

Подписи не было. Она и не требовалась.

Башня стояла на самом краю здания, и подниматься к ней пришлось по узкой винтовой лестнице, где каждый шаг отдавался гулкой, мёртвой пустотой. Наверху оказалась комната с единственным окном, столом, заваленным картами, и камином, в котором не горел огонь.

Кайрен стоял у окна спиной ко мне. Свет угасающего дня ложился на его плечи медным отблеском, но не согревал.

— Закройте дверь, — сказал он.

Я закрыла.

— Вы нарушили правило. — Он обернулся. — Вы тянулись ко мне. Дважды.

— Я не... — начала я и замолчала. Врать было бессмысленно. — Я не знала, что делаю.

— Знаю. Именно поэтому вы здесь. — Он сделал шаг ко мне, потом остановился, словно натолкнувшись на невидимую границу. — Вы чувствуете то, что должны были бы чувствовать только мёртвые. Или те, кто стоит на самом краю.

— То есть?

Он помолчал. В камине, не знаю почему, едва слышно щёлкнул уголёк.

— Моя сила не в том, что я ничего не чувствую, Ниара. Моя сила в том, что я забираю чужое. — Он говорил тихо и ровно, но я видела, как напряглись его пальцы на спинке стула. — Страх. Гнев. Горе. Всё, что в этом доме переполняет людей, уходит ко мне. Люди приезжают сюда сломанными, а становятся спокойными. Вы понимаете, что это значит?

Я понимала. Внутри всё похолодело, и на этот раз не от моего льда.

— Вы не уничтожаете чувства, — прошептала я. — Вы их копите.

Он не ответил. Но в его глазах, серых, спокойных, как

зимнее небо, мелькнуло что-то такое глубокое и такое уставшее, что у меня перехватило дыхание. Это не был страх. Это было что-то вроде просьбы. Словно человек, который сто раз пытался сказать правду и ни разу не сумел, вдруг увидел перед собой того, кто может её услышать.

— Сто двенадцать человек, — сказал он. — Четыре года. Одиннадцать лет. Двадцать. — Он замолчал. — Я перестал считать.

— И что будет, когда...

— Когда я не выдержу? — Уголок его рта чуть дрогнул. Это не была улыбка, скорее её тень, горькая и почти неуловимая. — Об этом мне думать нельзя. Слишком опасно.

Я шагнула к нему. Не знаю, что мной двигало. Жалость? Любопытство? Глупое, упрямое желание сломать эту маску?

— Кайрен.

— Не подходите.

— Вы же сами сказали, что я тянусь к вам. Может, это не слабость. Может, я могу...

— Вы можете замёрзнуть насмерть, — резко сказал он, и впервые в его голосе прозвучала эмоция, жёсткая, как лезвие. — Вы понимаете, что бывает, когда ваш Отзвук касается моего? Я не просто глушу. Я впитываю. И если я возьму ваше, а вы возьмёте моё...

Он оборвал себя на полуслове и отвернулся. Плечи его были напряжены, как у человека, державшего на спине гору.

— Держитесь подальше от меня, Ниара Вэйс. И от Тарена

Вейлора.

Я замерла.

— При чём тут Тарен?

— Он единственный в этом доме, кто по-настоящему чувствует. — Кайрен снова обернулся. Лицо его было непроницаемым, но голос звучал странно, будто эти слова стоили ему усилия. — Это не комплимент.

— Он сказал, что здесь все прячут чувства. Что вы...

— Я знаю, что он сказал. — Короткая пауза. — Он ошибается. Или лжёт. Я пока не решил.

Я хотела спросить, что это значит. Хотела потребовать ответа. Но Кайрен подошёл к двери и открыл её, и на его лице снова была та же безупречная маска.

— Вы можете идти. Уроки начнутся завтра в то же время.

Я прошла мимо него, не поднимая глаз. И только на пороге услышала за спиной, тише шёпота, так тихо, что могла и ослышаться:

— Простите.

Я не обернулась. Но всю дорогу вниз по ледяной лестнице чувствовала, как что-то внутри меня, что-то, чему я не знала названия, медленно, почти болезненно оттаивает.

В комнате меня ждал конверт.

Он лежал на подушке, плотный, серый, с печатью Дома Тишины. На лицевой стороне чёткими буквами было выведено: *Ниаре Вэйс, от сестры.*

Руки у меня дрожали, когда я вскрывала печать. Иней по-

бежал по бумаге, но я не обращала на него внимания. Письмо было коротким.

Дорогая Ниш. Я дома, всё хорошо. Со мной обращаются бережно. Не волнуйся и не пиши мне слишком часто, чтобы не отвлекаться от обучения. Тишина — это дар. Ты скоро поймёшь. Твоя Мирин.

Я перечитала письмо раз, другой, третий. Что-то в нём было не так. Не слова. Слова были правильные, гладкие, почти ласковые. Почерк.

Я знала почерк Мирин. Круглый, с лёгким наклоном влево, вечно спешащий. А это письмо было написано мелким, ровным, безупречным почерком.

Тем же самым, что и вчерашняя записка на моём столе.
Не доверяй никому из тех, кто улыбается. Здесь никто не улыбается.

Я медленно опустилась на кровать. Письмо выскользнуло из пальцев и упало на пол, покрываясь тонкой коркой льда.

Значит, записку писала не Мирин. Значит, Мирин вообще не писала этого письма.

А тот, кто его написал, хотел, чтобы я думала, будто она жива и счастлива.

Или хотел, чтобы я перестала искать.

За окном, в темноте, кто-то тихо засмеялся. Один раз, коротко, почти беззвучно. Я вскинула голову, но не увидела ничего, кроме тёмной галереи напротив и далёкого, тёплого огонька, мелькнувшего в окне на уровне третьего этажа.

Огонь. Единственный огонь в Доме, где не горело ни одной свечи.

Глава третья. Огонь в Западном крыле

Я не спала до рассвета.

Письмо лежало на столе, и каждый раз, когда я отводила от него взгляд, мне казалось, что буквы чуть меняются. Ровные, мелкие, безупречные. Рука человека, который никогда не торопится и никогда не ошибается. Я сложила его вчетверо и спрятала за пазуху, чувствуя, как бумага холодит кожу даже сквозь ткань.

В Зале Покоя я села на то же место. Чаша передо мной замёрзла за одиннадцать секунд, и Вера даже не стала заменять её. Просто посмотрела и отметила что-то в своём свитке.

Тарен занял столик слева. Вода в его чаше мирно парила.
— Ты выглядишь так, будто провела ночь с привидением,
— прошептал он.

— Хуже. С почерком.

Он быстро взглянул на меня и впервые не улыбнулся. Мы просидели час в абсолютном молчании. Когда нас отпустили, он пошёл рядом, не глядя на меня, и только в пустом коридоре сказал:

— Покажи.

Я достала письмо. Он пробежал его глазами, потом прикрыл ладонью, как закрывают огонь от ветра.

— Это писала не она.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. — Он поднял голову, и в его мёдовых глазах не осталось ни насмешки, ни лёгкости. — Я видел этот почерк. Каждый, кто прожил здесь больше двух лет, видел. Так подписаны все письма, которые уходят из Дома. Все до единого.

У меня пересохло в горле.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что у меня есть способ, о котором я говорил вчера. Но он опасен. И если ты согласишься, назад дороги не будет.

Я вспомнила записку. *Не доверяй никому из тех, кто улыбается.* Вспомнила лицо Кайрена в северной башне и его «он ошибается или лжёт, я пока не решил». Вспомнила Мирин, шагавшую к помосту с прямой спиной.

— Когда? — спросила я.

— Сегодня ночью. Не бери свечу. И надень что-нибудь тёплое.

— Куда мы идём?

Тарен всё-таки улыбнулся, коротко и невесело.

— В Западное крыло. То самое, откуда не возвращаются. Хотя, если честно, это преувеличение. Некоторые возвращаются. Просто не в том виде, в каком уходили.

Мы вышли за час до полуночи.

Дом Тишины ночью был страшнее, чем днём. Днём его

глушила тишина, ночью она становилась почти осязаемой, как вата в ушах. Мы шли вдоль стен, и мне казалось, что даже наши тени двигаются без звука. Тарен вёл меня по лестницам, которых я не замечала раньше, через боковые переходы, мимо дверей с одинаковыми серыми ручками.

Один раз мы замерли в нише, пропуская обход. Двое серых плащей прошли мимо, глядя перед собой пустыми глазами, и ни один не повернул головы. Тарен выдохнул только тогда, когда их шаги, вернее, их отсутствие шагов, растворились вдали.

— Они не видят, — прошептал он. — В тишине всё живое слепнет. Если стоять неподвижно и не чувствовать, ты почти невидим.

— А ты не чувствуешь?

— Я стараюсь чувствовать очень тихо.

Западное крыло начиналось с массивной двери, обитой железом. Тарен положил ладонь на замок, и металл под его рукой медленно покраснел, потом побелел. Замок щёлкнул, расплавившись изнутри.

— Не смотри так, — сказал он. — Я не взломщик. Просто у меня тёплые руки.

За дверью оказалась винтовая лестница, ведущая вниз. Каждый её виток уводил нас глубже в чёрную, пахнущую камнем глубину. Я шла следом и считала ступени: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Иней на моих руках подрагивал, но не разрастался. Я заметила это и удивилась. Здесь, в Запад-

ном крыле, тишина была другой. Не плотной и давящей, как рядом с Кайреном. Здесь она была пустой, выжженной, как поле после пожара.

На сто двадцатой ступени лестница кончилась.

Комната была круглой и очень старой. Стены из тёмного камня, на потолке трещины, в полу мелкие круглые отверстия, из которых тянуло теплом. А посередине, на каменном постаменте, стояла чаша. Не такая, как в Зале Покоя. Широкая, чёрная, с острыми краями. В ней тлели угли.

Не огонь. Угли. Багровые, живые, дышащие.

— Это Очаг, — тихо сказал Тарен. — Его построили до Дома. До Стражей. До того, как Корона начала забирать «неспокойных».

— Откуда ты о нём знаешь?

— Потому что здесь я прячу своё. — Он подошёл к чаше и протянул к ней руки. Угли вспыхнули ярче, и по его лицу заплясали рыжие тени. — Четыре года я каждую ночь прихожу сюда и сливаю всё, что не могу отдать Кайрену. Каждый смех, каждую злость. Каждый раз, когда мне хочется кого-нибудь ударить или обнять.

Он говорил это почти шутливо, но голос его дрожал.

— Если я не буду этого делать, — добавил он, — Дом заберёт и это. А я ещё не готов потерять всё.

— Значит, Кайрен не лжёт. Он действительно забирает...

— Он забирает то, что мы отдаём. Но у этой тишины есть другая сторона, Ниара. Ты никогда не задумывалась, куда

оно деваётся? Всё, что он впитал за двадцать лет?

Я задумалась. И от этой мысли мне стало холодно, по-настоящему, до костей.

— Оно не исчезает, — медленно сказала я. — Оно накапливается.

— Именно. — Тарен кивнул. — И однажды он не выдержит.

— Давай письмо, — сказал он, снова становясь деловитым. — То, настоящее, которое ты хочешь написать сестре.

Я достала из кармана клочок бумаги и огрызок угля, подаренный Тареном ещё в коридоре. Написала всего три строки. *Мирин, я жива. Я ищу тебя. Дай знак, если ты слышишь.*

Он взял бумагу и поднёс её к углям.

— Огонь не просто сжигает, — объяснил он. — Он переносит. Если у двоих людей родственный Отзвук, а у вас с сестрой он родственный, иначе вас бы обеих не занесли в списки Жребия, то дым найдёт того, кому предназначен. Это старый способ. Его почти забыли.

Бумага вспыхнула, не сгорев, а превратившись в тонкую серебристую нить дыма. Нить поднялась к потолку, дрогнула, словно прислушиваясь, и потянулась вверх, туда, где в трещинах камня уже виднелся слабый свет звёзд. Потом исчезла.

— Теперь ждём, — сказал Тарен.

Мы ждали, наверное, минут пять. Я сидела на ступеньке, обхватив колени руками, и слушала, как потрескивают угли.

Это был единственный живой звук за много дней, и я поймала себя на том, что не хочу, чтобы он прекращался.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За то, что не заставил меня просить дважды.

Он усмехнулся. Мёдовые глаза тепло блеснули в свете углей.

— Ты первая за четыре года, кто спросил меня, почему я улыбаюсь. Не «как ты смеешь», не «замолчи». Просто «почему». Считай, что мы квиты.

И тут что-то мягко ударилось о мою ладонь.

Я опустила глаза. На ладони лежал цветок. Маленький, голубой, с шестью тонкими лепестками, такой же, как тот, что расцвёл на фонаре в день Жребия. Он был тёплым и живым, и от него пахло мятой и весенним дождём. Так пахла Мирин, когда возвращалась с поля.

— Она жива, — выдохнула я. И почувствовала, как по щекам катятся слёзы, а иней на руках тает, обращаясь в капли.

— Подожди, — сказал Тарен. — Смотри на него.

Цветок дрогнул. Его лепестки медленно повернулись, все шесть, как стрелки компаса, в одну сторону. Не на юг, откуда мы пришли. Не наверх. А на запад и вниз, прямо в каменную стену за Очагом.

Мы молча смотрели на него.

— Нии, — медленно, очень тихо произнёс Тарен. — Она не дома. Она не в Эльдоре.

— Тогда где?

Цветок поднялся из моей ладони и поплыл по воздуху, указывая на стену. А затем, в тот же миг, в самой каменной толще, за слоем кладки, что-то глухо, отчётливо стукнуло. Раз. Другой.

Кто-то стучал изнутри.

— Отойдите от неё.

Голос прозвучал позади нас. Негромко, ровно, без единой эмоции. Но воздух в комнате мгновенно изменился. Угли в Очаге вздрогнули и потускнели. Цветок упал мне на ладонь, лепестки сомкнулись. Звуки исчезли, как будто кто-то накрыл мир подушкой.

Кайрен Ольхейм стоял на нижней ступени лестницы. Тёмный плащ, бледное лицо, серые глаза. И абсолютная, чудовищная, всепоглощающая тишина вокруг него.

Тарен встал между нами раньше, чем я успела вдохнуть. Угли в чаше полыхнули, взметнув языки пламени до потолка.

— Ты опоздал, Страж, — сказал он, и в голосе его не было ни капли привычной лёгкости. — Она уже знает.

— Она знает слишком мало, чтобы это что-то значило. — Кайрен сделал шаг вперёд. — Отойдите, Вейлор.

— Нет.

— Вы нарушили порядок Дома. Вы вскрыли Очаг. Вы вовлекли в это новую ученицу.

— Я не вовлекал. Она сама пришла. — Пламя за спиной

Тарена поднялось выше. — И, кстати, о нарушении порядка. Расскажи ей, где её сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.